

<http://socialist.memo.ru/books/lit/morozov2/pril.zip>

[источник: Суд над социалистами — революционерами (июнь — август 1922г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2002 сост.: С.А.Красильников, К.Н.Морозов, И.В.Чубыкин]

№ П-95

Статья Л. Мартова «Кровавый фарс»

Не позднее 18 июня 1922 г.

КРОВАВЫЙ ФАРС.

Инсценируя судебный процесс против социалистов-революционеров, большевистская партия грозила, что этот процесс раскроет весьма неприглядную картину деятельности партии с.-р. за время революции, как явно контр-революционной. Насколько это удастся правящей партии, мы еще не знаем, как не знаем, насколько удасться обвиняемым с.-р-ам раскрыть перед судом картину того сплошного террора, под которым Россия жила в 1918 г. и который один мог бы, если не оправдать, то политически объяснить самые худшие из преступлений, приписываемых обвинителями обвиняемым. Но одно мы уже знаем: еще не начавшись, процесс вскрыл перед всем миром, что представляет собой, с позволения сказать, правосудие и суд в большевистской России.

Широким жестом «либерального» большевика Карл Радек, ассистируемый Кларой Цеткин и Фроссаром, заявил на берлинском совещании 3-х Интернационалов, что Э. Вандервельде и всем другим социалистическим защитникам будет предоставлена полная возможность выполнить свою миссию и что никаких препятствий к этому они в советской России не встретят. Заявив, что берлинские делегаты Коминтерна сделали в этом вопросе излишние уступки «социал-предателям», Н. Ленин^а, тем не менее, прибавил, что данные в Берлине обещания должны быть сдержаны. Советский посол в Берлине, Н. Крестинский, в свою очередь, лично заявил защитникам, что они будут пользоваться в Москве полной свободой. Наконец, предъявляя свой известный ультиматум «комиссии девяти», Исполком Коминтерна счел нужным объявить, что, даже в случае распада этой комиссии, обязательства, принятые большевиками в связи с делом эс-эров, будут выполнены.

Не успели защитники, однако, перешагнуть границы России, как они получили возможность наглядно убедиться в том, что значат торжественные обещания возглавляемой Лениным иезуитской партии, и что понимает эта партия под гласным и беспристрастным судом.

На станции Себеж, в Великих Луках, Волоколамске и, наконец, на Виндавском вокзале в Москве толпы согнанного властями сброда, чекистская сволочь совместно со всякого рода коммунистическими назначенцами, атаковала^б поезд защитников под видом «российского пролетариата», требующего от них отчета в контр-революционном поступке защиты обвиняемых эс-эров. Комедия проделана с той степенью грубости, которая свойственна только бандитским организациям типа «Союза русского народа». В пограничном городке Себеже, все население которого, кроме мещан-евреев, состоит из чекистов и контрабандистов, «работающих» с ними исполу, обнаружился «авангард мирового пролетариата», досконально знакомый со всеми грехами Эмиля Вандервельде и учинивший ему допрос с пристрастием по поводу того, что он подписал Версальский договор. Само собой разумеется, что этот «авангард» твердо знает еще до начала суда, что убийство Володарского и покушение на Ленина организованы именно Ц.К. эс-эров и что, поэтому, самое желание выступить их защитником есть соучастие в преступлении. Не менее сведующим^в оказался и «пролетариат» в Великих Луках с тем добавлением, что в этом мировом центре ему было поручено довести «моральное воздействие» на «2-ой и 2 1/2 Интернационал» до вышибания стекол, угроз рукоприкладством и, если верить корреспонденту Дэйли Геральд, то и до выстрела, сделанного из толпы переряженных в пролетариат чекистов.

На Виндавском вокзале в Москве комедия, арранжированная^г наиболее опытными режиссерами, была разыграна с полным блеском. Переряженные большевистские городовые и дворники свистали, улюлюкали, оплевывали представителей европейского пролетариата и порывались расправиться с ними судом Линча, в то время, как другая часть полиции

^а Так в документе.

^б Так в документе, следует атаковала.

^в Так в документе, следует сведущим.

^г Так в документе.

«охраняла» их от «пролетарского гнева» под руководством чиновников протитуированной советской юстиции.

В своей декларации, поданной г-ну Курскому 23 мая, защитники ядовито благодарят правительство за принятые им для охраны их жизни меры и с убийственной иронией прибавляют, что в этих мерах не было бы надобности, если бы то же правительство, обладающее монополией печатного и устного слова, не использовало ее для того, чтобы в течении ряда дней систематически натравливать народ на защитников, извращать смысл их миссии и изображать их контр-революционерами.

«В получении оплеухи расписался мой дурак». Г-н Курский соизволил на опубликование этой декларации защитников, вскрывающей всю гнусность проделанной правительством комедии. И все же защитники и здесь были слишком снисходительны к этим иезуитам: они слишком еще «по[-]европейски» расценили их действия. В том[-]то и дело, что несмотря на десятки статей и брошюр Стекловых, Бухариных и Вардиных, из которых каждая заслуживает награждения бубновым тузом; несмотря на сотни погромных речей больших и малых Троцких на заводах и в полках, — у нас нет никакого основания говорить о «натравленном населении». Кухня, фабрикающая в России «волеизъявления революционного пролетариата», всем известна, а о подлинных настроениях московских и петербургских рабочих масс большевики осведомлены ничуть не менее нас, хорошо зная, что без вооруженного эскорта и без безмолвно висящей над рабочими угрозы расчета и ареста ни один большевистский оратор не мог бы выступить на заводе, не рискуя быть освиственным.

Окружив защитников атмосферой погромной агитации, — переряженные чекисты на вокзале в Москве пели песню с угрозой «повесить» их, большевистские власти дошли в своем цинизме до того, что не позволили им общаться с русскими защитниками их клиентов^д. Факт тот, что Вандервельде, Либкнехт и К. Розенфельд вынуждены были 28 мая требовать у Курского, чтобы им возможность такого общения была предоставлена, равно как и того, чтобы их ознакомили с следственным материалом и разрешили свидание с обвиняемыми¹²¹. Таковы «все гарантии», предоставленные обвиняемым и защите по уверению бесстыдного лгуна Радека и дошедшей до последней степени политического падения Клары Цеткин! Такова цена обещаний, скрепленных словом главы советского правительства!

В своем ответе защитникам г. Курский, вполне признавая факт нахождения иностранных защитников под домашним арестом, имеет наглость не только мотивировать его необходимостью помешать сношениям Вандервельде с врагами советской республики, но и недвусмысленно намекать, что снятие с них чекистской охраны подвергло бы их жизни опасности, т.е., что та-же че-ка, с соизволения советского правительства, готова в любой момент организовать их убийство.

За это время в советской прессе опубликован обвинительный акт. Правительство до крайности расширило рамки процесса, введя в него, в сущности, всю деятельность партии с.-р.-ов со времени октябрьского переворота, направленную против этого переворота.

Юнкерское восстание ноября 1917 года, образование Комитета Учред[ительного] Собрания в Самаре, участие в архангельском правительстве¹²² — словом, все акты **сопротивления** эс-эров большевистскому п[е]рвороту 25 октября, вменены им в преступление. Чтобы правительство, само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет, — случай небывалый. Удивительно, как еще не привлечены к суду члены разогнанного Учредит[ельного] Собрания за попытку провозгласить последнее единственным носителем власти!

При таком широком захвате прокурорского невода, немудрено, что в заключительной части обвинительного акта **по делу эс-эров** неожиданно читаешь: «выделить, как не связанных непосредственно с рассматриваемым делом, либо как находящихся за границей», дела в отношении целого ряда лиц, в числе которых среди имен кн[язя] Львова, Коновалова, Карташева, Паниной, Филоненко неожиданно находим и имена «Дана, Мартова, Абрамовича». Стало быть, и мы, грешные[,] оказываемся «в каком-то, хотя и не непосредственном» отношении к «яду кураре и к Антанте». Да что мы. Те «честные эс-эры[»] из числа поступивших на службу в че-ка, которых на суде защищают Бухарин, Томский, Садуль, Феликс Кон[,] и другие столь же «честные коммунисты», уподобились, повидимому, тому щедринскому гимназисту, который[,] попавшись на «революции», оговорил сразу сто слишком человек, в том числе родную тетюшку. По крайней мере, в числе оговоренных, но «выделенных», оказались такие нынешние столпы коммунистического отечества, как гг. Майский и Мазуренко.

При таком расширении рамок дела, сам собой становится вопрос, уже давно нами поставленный, о действительности той амнистии, которая в свое время, после прекращения

^д Здесь и далее выделено в документе.

эс-эрами вооруженной борьбы, была провозглашена для всех деяний, с нею связанных. Нельзя сказать, чтобы советские юристы остались глухи к указаниям социалистов всего мира на чудовищность самого суда по делам, погашенным амнистией. Нет, они приняли во внимание эти соображения и нашли гениальный выход из затруднения. Члены Ц.К., заявляет обвинительный акт, «руководили контрреволюционной деятельностью партии с.р. по подготовке вооруженного свержения советской власти как до амнистии [19]19 года, так и после указанной амнистии, в силу чего, согласно точному смыслу амнистии, таковая на них распространена быть не может».

Отцы-иезуиты, во истину, «мальчишки и щенки» в сравнении с коммунистическими казуистами. Воображаем, какой взрыв негодования поднялся бы в Коминтерне, еслиб какое[-]нибудь буржуазное правительство попыталось истолковать данную им коммунистам амнистию в том смысле, что она распространяется лишь на тех из них, которые, будучи освобождены, не возобновили своей прежней деятельности по борьбе с буржуазией. Даже царское правительство, амнистировав нас в октябре 1905 года, не придумало после посадить нас обратно в казематы для наказания за старые «преступления» на том основании, что мы занялись новыми!

Вне всякого сомнения, обвиняемые и их защитники выведут в этом пункте на свежую воду кремлевских иезуитов, и ни у кого во всем мире не останется сомнения в том, что в Москве происходит не судебный процесс, хотя бы по законам революционного времени, а самая подлая, ибо прикрытая трусливо-иезуитской казуистикой р а с п р а в а над политическими противниками. О характере этой хладнокровно рассчитанной и коварно подготовлен[н]ой расправы дают достаточное представление резолюции, которые большевистские заправила, совместно с че-кистами, «прокатывают», от имени пролетариата и красной армии, на заводах и в воинских частях. Все они требуют «применения смертной казни». Так, на заводе Гужона, после погромной речи Т р о ц к о г о, якобы принято постановление избрать по два «беспартийных» делегата от каждой мастерской для посылки в суд с требованием смертной казни. Такую же резолюцию «прокатил» на собрании курсантов большевистский сановник Петровский-Липец, (особая примета: 2 недели состоял в штабе Петлюры, прежде чем открыл в себе душу коммуниста). Троцкий – член Исполкома Коминтерна. В качестве такового, он связан обязательством, которое от имени Коминтерна дали Радек, Цеткин и Фроссар на берлинском совещании. Напомним его текст:

«Конференция принимает к сведению заявление представителей Коммунистического Интернационала, что... как было констатировано в советской печати еще до конференции, произнесение смертных приговоров в этом процессе будет исключе н о».

Читатель помнит о том деланном негодовании, с которым писатели «Известий», покойного «Нового Мира», «Rote Fahne» и «Humanite»¹²³ писали о «клевете меньшевиков», приписывающих советскому правительству намерение вынести смертные приговоры Гоцу и его товарищам! А теперь «Накануне» в передовой от 8 июня не может скрыть своей тревоги за исход процесса и, обращаясь, якобы, к «заграничным эс-эрам», почтительно докладывает начальству, что «государственная власть, власть Советская, передавая революционному трибуналу дело Гоца, Донского и других, отнюдь не ставила себе задачей, во что бы то ни стало, послать их на эшафот или даже на бессрочную каторгу». Очевидно, даже эти мягкотелые люди чувствуют, что «обожаемое» ими правительство собирается сделать новую сверхсметную пакость, собирается снова удивить мир бесстыдством патетических павианов. Один из таких павианов, Троцкий, пишущий от имени пролетариата требования кровавой расправы, уже подготавливает «обстановку» для чудовищного нарушения торжественного данного честного слова. В статье о «наивных хитрецах» («Rote Fahne» 9 июня) он с невинным видом пишет:

«Нельзя утверждать, что предъявленное к нам (интернационалами) требование о не расстреле эс-эров, равно, как у с л о в н о е с о г л а с и е на это советского правительства, носит чисто-юридический (а не политический – Л.М.) характер».

Откуда взялось «условное согласие»? Из вышеприведенного текста явствует, что согласие было безусловным, и что представители большевиков считали нужным оговорить лишь одно, – что они «эс-эров расстреливать» и не собирались. Столь же безусловный характер носило и утверждение Исполкомом Коминтерна берлинских решений. Вводя теперь исподтишка термин «условное согласие», член Исполкома Коминтерна Троцкий выдает с головой намерение большевиков «истолковать» берлинские обязательства так, как они уже истолковали обязательство, взятое на себя амнистией [19]19 года.

Другой павиан – г. Радек, – столь красноречиво певший в Берлине о том, что о расправе над обвиняемыми эс-эрами никто и не помышлял, ныне выступает в Московском Совете с призывом «уничтожить убийц Володарского»!

В довершение скандала, в Исполкоме Коминтерна, по сообщению «Известий», «обсуждается» вопрос о том, насколько, после срыва девятки, вообще действительны данные им гарантии, и тот же благородный Радек на первом же заседании суда заявляет с медным лбом, что, вообще, советский суд никаких обещаний не давал (т.е. давал их, дескать Коминтерн, с которым, как давно уже утверждает Чичерин, советское правительство ни в какой связи не состоит!).

И в подтверждение того, что советское правительство себя не считает связанным обещаниями Коминтерна, в том же заседании суда постановляется отказать Ц[ентральному] К[омите]ту нашей партии в праве делегировать своих представителей для участия в защите. Это после обязательства Коминтерна «допустить всех защитников, каких пожелают обвиняемые».

Очевидный вывод из всех этих заявлений и актов тот, что большевики питают серьезное намерение закончить процесс кровавой тризной. Самая непосредственная опасность вновь грозит обвиняемым социалистам-революционерам и самое решительное вмешательство международного пролетариата неотложно необходимо, чтобы помешать совершиться преступлению.

Мы не знаем, удастся ли ему это: международный пролетариат, ведь, не в состоянии к у п и т ь уступку гуманности теми миллиардами, за которые Ленин и Троцкий всегда готовы сделать Ллойд-Джорджу и Пуанкарэ кое-какие уступки «буржуазным предрассудкам о собственности». Попирая открыто свои торжественные обязательства, большевики могут отважиться бросить новый вызов пролетарскому общественному мнению. Мы бы, однако, не советовали коммунистическим рабочим позволять своим вождям «плевать в колодезь». Ибо каждый раз, как теснимые капиталистическими врагами, они будут вспоминать об «едином фронте» и апеллировать^е к помощи международного пролетариата, кровавые тени жертв встанут между последним и ими. Дорогою ценой для всей русской революции может оказаться оплоченным^ж бесстыдное нарушение слова, торжественно данного перед лицом всего мира.

Л. Мартов.

— Социалистический вестник. 1922. № 12. С. 3–7.

^е Так в документе, следует апеллировать.

^ж Так в документе.